

А.Р. РЭДКЛИФФ-БРАУН

ВЗГЛЯД УАЙТА НА НАУКУ О КУЛЬТУРЕ*

1. Профессор Лесли Уайт весьма энергично отстаивает точку зрения, что в изучении человеческой жизни и поведения нужно признать три разные дисциплины, имеющие дело с тремя разными «уровнями» явлений: разумом (mind), обществом и культурой. Этот взгляд некоторые антропологи в Америке принимают открыто, и еще большее число ученых принимает его неявно.

Я не хочу спорить с взглядом, выдвинутым Кребером и Уайтом, что «культурные» явления могут изучаться в отвлечении от общества, т.е. социальной жизни как системы отношений и взаимодействий между лицами и группами. Что может быть таким образом сделано, видно на примере лингвистики, где явления языка изучаются в абстракции от социальных отношений, в которых речь используется для коммуникации. Точно так же можно изучать музыку, не соотнося ее с теми обществами, которые эту музыку произвели.

Но если есть две науки — одна о социальных явлениях, другая о культурных, — и обе отличны от психологии и истории в обычном их смысле, то надо уметь провести четкое различие между социологическими исследованиями, проблемами, методами, теориями и объяснениями, с одной стороны, и исследованиями, проблемами, методами, теориями и объяснениями науки о культуре, с другой. Я не нахожу, чтобы эти различия кем-нибудь четко проводились; напротив, я вижу много тумана и двусмысленности в дискуссиях на эту тему.

Область изучения, которой я отдаю предпочтение, — социальная антропология. Она была определена в 1907 г. Фрэзером, а затем, в 1926 г., Малиновским как раздел *социологии*, занимающийся «примитивными», или бесписьменными обществами. Как механика изучает механические системы, а психология — ментальные, или психические системы, так и социология — это наука о социальных системах. Социальную систему образуют индивидуальные человеческие существа, взаимодействующие друг с другом в рамках определенных преемственных (continuing) ассоциаций. Таким образом, социальная антропология исследует формы ассоциации, или социальной интеграции, в примитивных обществах, стремясь прийти к пониманию их вариаций и выяснить условия стабильности в социальных системах как системах интеграции персон.

2. Культурная антропология, если я правильно понимаю тех, кто говорит от ее имени, занимается не отношениями между персонами, а связями между «культурными чертами». Тем не менее в литературе по этому предмету я часто нахожу два термина, «культура» и «социальная система», употребляемые так, как если бы они

* Перевод сделан с источника: *Radcliffe-Brown A.R. White's View of a Science of Culture // American Anthropologist. 1949. Vol. 51. № 3. P. 503-512.*

были альтернативами для обозначения одного и того же. Так, в статье Уайта, которая будет далее обсуждаться, нам предлагается нечто, выдаваемое за объяснение правил экзогамии в терминах культуры, т.е. «культурологическая» теория, в отличие от социологической. Уайт, однако, говорит об этих правилах как об «институтах», «создаваемых социальными системами». Может быть, это описка, и должно было стоять выражение «культурные системы», но описка эта примечательная. Также как и описка Кребера, когда в одном месте он говорит о человеке как о «члене» культуры. Человек может быть членом англоязычного сообщества, но никак не членом английского языка.

В статье «Определение инцеста и запрет на него» (см. прим. 1), опубликованной в журнале *«American Anthropologist»*, Уайт предложил нам «культурологическую» теорию. Правила, запрещающие брак или сношения между родственниками, объясняются не в терминах социальной интеграции, или сплочения (что было бы социологическим объяснением), и не через ментальные характеристики людей (что было бы психологическим объяснением), а в терминах «организации культурных черт». Фундаментальное положение этой теории гласит, что «инцест был определен, а экзогамные правила сформулированы с тем, чтобы сделать сотрудничество принудительным и широким, благодаря чему жизнь стала бы более безопасной».

Я не предлагаю проводить критический разбор этой теории. Я хочу только взять ее как пример того, как наука о культуре работает с конкретной проблемой, и сравнить это с тем, как работала бы с той же самой проблемой социология. Полагаю, все согласится с тем, что право и мораль — социальные явления и что, следовательно, правила, касающиеся брака между родственниками, и отношение к половым связям между родственниками как к греховным, преступным или аморальным могут быть сделаны темой социологического исследования и социологической теории. Соответствующие правила рассматривались бы тогда не в связи с культурой, а в связи с социальной интеграцией, т.е. связыванием персон в социальной структуре непрерывно существующих ассоциаций. Случилось так, что я вот уже на протяжении многих лет развиваю и преподаю социологическую теорию по этому вопросу; я не буду излагать ее здесь целиком, а дам лишь ее краткий очерк. Моя цель — всего лишь дать возможность сравнить теоретическую науку об обществе с теоретической наукой о культуре, беря последнюю так, как она представлена статьей профессора Уайта.

С точки зрения сравнительной социологии, споры о запрете на инцест испорчены неспособностью разграничить две разные, но связанные друг с другом проблемы. Первая из них касается правил, относящихся к браку между родственниками, — правил, которые широко варьируют в разных обществах, но без которых ни одно общество не обходится. Эти правила бывают двух видов. Некоторые браки между родственниками порицаются или запрещаются. С другой стороны, во многих обществах брак между определенными видами родственников является одобряемым, предпочтительным или даже обязательным. Совершенно очевидно, что социологическая теория должна иметь дело со всеми этими правилами, с предпочитаемыми или допускаемыми браками в такой же степени, в какой и с запрещаемыми или порицаемыми. Кроме того, задача теории должна состоять в том, чтобы позволить нам понять или объяснить вариации в этом вопросе, обнаруживающиеся в разных социальных типах. Любая предлагаемая теория, не делающая этого, не стоит внимания как социологическая теория. Это отбрасывает, как совершенно бесполезную, ог-

ромную часть того, что было написано на интересующую нас тему. Проверкой теории является ее применимость для понимания частных случаев.

Вторая проблема — это проблема инцеста, и относится она не к браку, а к половым сношениям вне брака. Там, где такое сношение имеет место между родственниками, оно может расцениваться в том или ином обществе как конституирующее безнравственность, грех или особого рода преступление, в отличие от сношений между лицами, которых не связывает родство. Это собственно и есть инцест. Брак и сексуальная близость вне брака, с социологической точки зрения, совершенно разные вещи. В некоторых штатах США двоюродным братьям и сестрам не разрешается жениться, но половые связи между ними рассматриваются, видимо, не как инцест, а как всего лишь прелюбодеяние, грех несколько меньший и иной по типу.

Сначала я дам очень краткий очерк социологической теории регулирования брака. Доказательство этой теории потребовало бы, конечно, не статьи, а целой книги. Однако здесь изложение теории мыслится просто в качестве примера возможной социологической теории. Каждое общество имеет свою особую систему родства, т.е. некую совокупность, или систему, отношений между лицами, связанными родством или через брак, в том числе тех отношений — например, между членами клана, — которые рассматриваются в обществе как отношения родства, хотя генеалогических связей может и не проследиваться. Эти отношения институционализованы; есть паттерны, или правила поведения, соблюдения которых ожидают от лиц, состоящих друг с другом в определенных отношениях. Брак — это переупорядочение социальной структуры, предполагающее модификацию некоторых существующих отношений и формирование некоторых новых отношений.

Общая теория регулирования брака состоит в том, что социальная функция правил заключается в сохранении, поддержании или воспроизводстве существующей системы институциональных отношений. Когда в некоторой системе брак между родственниками имеет следствием воспроизводство, обновление или укрепление существующей системы отношений, он имеет тенденцию быть одобряемым или предпочтительным, а в каких-то случаях делается даже обязательным. И наоборот, когда брак между родственниками мог бы разрушить существующую систему отношений или ввергнуть ее в беспорядок, обычно он становится порицаемым или запрещенным; чем более крупные и обширные потрясения могут быть вызваны таким браком, тем сильнее общее сопротивление или порицание, с которыми он сталкивается. Общая теория, таким образом, формулируется не в терминах культуры, а в терминах социальной интеграции или социальной структуры. Чтобы понять правила, регулирующие брак в том или ином конкретном обществе, их нужно исследовать в связи со структурой родства этого общества как непрерывно существующей системой расстановки лиц в институционализованных отношениях.

Наверное, необходимо указать, что формулировка закона или принципа подобного рода не отрицает возможности исключений в частных случаях. Закон природы таков, что у людей сердце располагается с левой стороны, а на пальцах по три фаланги; однако есть исключительные индивиды, у которых сердце в груди находится справа или на пальцах всего по две фаланги. Исключения требуют специального объяснения, будь то в биологии или в социологии.

Наиболее распространенными формами предпочтительного или одобряемого брака между родственниками являются браки с сестрой жены, дочерью брата мате-

ри, женой умершего брата или брата матери, а также брак между кузенами. Исходя из моего более чем сорокалетнего опыта изучения систем родства, обычно легко увидеть, как эти браки между родственниками обновляют, воссоздают или укрепляют существующие отношения между лицами и группами. Так, при браке с дочерью брата матери мужчина берет жену из некоторой семьи, а в следующем поколении его сын берет себе жену из этой же семьи. Но каждое общество надо рассматривать отдельно, и невозможно в одной статье рассмотреть все бесчисленные случаи, в которых теория вроде бы получает подтверждение.

Переходя к запрещенным бракам, мы можем взять пример брака с дочерью брата отца. В большинстве африканских обществ есть определенное институционализированное отношение, связывающее мужчину с братом его отца, а также женой и детьми последнего. Брат отца приходится ему своего рода «отцом», его жена — «матерью», их дети — братьями и сестрами. С отцом и матерью жены, а также ее братьями и сестрами мужчину связывает совершенно иной набор отношений. В таких племенах его брак с дочерью брата отца был бы разрушительным для всей системы отношений. Его «отец» превратился бы для него в тестя, отца-по-закону; своей «матери» ему пришлось бы избегать, так как она приходилась бы ему теперь тещей, матерью-по-закону; «братья» стали бы для него братьями-по-закону. Даже к собственному отцу пришлось бы относиться как к своего рода тестю, поскольку он приходится братом отца («отцом») жене этого мужчины. Отцу пришлось бы изменить свое поведение по отношению к собственному брату, поскольку последний стал бы теперь тестем его сына. Неизбежно произошел бы обширный ряд внезапных изменений в том, как от людей требуется вести себя по отношению друг к другу.

Между тем, в Африке есть ряд обществ, в которых эти институционализированные отношения с родственниками жены отсутствуют, и в этих обществах мужчине позволено жениться на дочери брата своего отца; в некоторых арабских обществах подобные браки являются даже предпочтительными.

Рассмотрим такие правила, как, например, следующие: у племени нкунду в Конго женщине во втором браке запрещено выходить замуж за сына брата отца мужа дочери брата матери своего первого мужа; у хера в Машоналенде мужчина не может жениться на женщине из линиджа жены брата своей жены, хотя он может жениться на сестре своей жены или на женщинах из линиджа жены брата своей матери. Трудно понять, как такие правила связаны с приданием сотрудничеству «принудительного и широкого» характера, но они сразу же становятся понятными при соотношении их с существующей социальной структурой этих племен.

Там, где существует определенное правило, за ним обычно стоит единодушное мнение или чувство. Но как социологи мы должны понимать, что во мнениях и чувствах в том или ином обществе часто имеются различия. Я слышал, как австралийские аборигены пространно обсуждали, следует или не следует дозволять тот или иной брак. В племени хехе в Восточной Африке, как сообщает Гордон Браун, некоторые лица одобряют брак с дочерью брата матери, считая, что он укрепит или обновит существующую солидарность между семьями, другие же опасаются, что напряжения, созданные такой брачной связью, могут не усилить, а, напротив, ослабить эту солидарность, и потому советуют избегать таких браков. В Англии с 1835 до 1907 г. шли жаркие споры по поводу того, можно ли разрешать мужчине жениться на сестре своей покойной жены; многие были за, многие — против. В 1907 г. такие бра-

ки были, наконец, узаконены, но многие священники до сих пор их не одобряют. Как социологические факты эти различия во мнениях и чувствах не менее важны, чем общие согласия; они требуют объяснения в терминах общей теории. В сущности, они дают ценнейшие средства для проверки теории.

Исследуя регулирование брака, мы напрямую занимаемся социальной структурой. Если же мы имеем дело с прелюбодеянием и той его особой разновидностью, которая известна как инцест, то нас интересуют моральные и религиозные чувства, существенные для существования упорядоченной системы социальных отношений. Половые отношения между мужем и женой являются частью институционального порядка брака и подчинены моральному, религиозному и даже правовому контролю. Половые отношения вне брака, с социальной точки зрения, есть нечто совершенно иное. В каждом обществе имеются свои текущие чувства в отношении прелюбодеяния, адюльтера, инцеста, гомосексуальности. Изучение их и их вариаций в разных обществах служит задачей того раздела социологии, который ведаёт моральными и религиозными установками. Нельзя сказать, что на данный момент мы достигли ощутимого прогресса в такого рода исследованиях.

Тем, что характернее и сильнее всего осуждается как инцест, является сексуальная связь с ближайшими родственниками: матерью, дочерью, сестрой. Чувствуется, что такое поведение — иного и худшего сорта, чем прелюбодеяние между лицами, не связанными родством. Параллелью этому является чувство, что убийство отца или матери — это иное и более тяжкое преступление, нежели убийство индивида, с которым нет родственной связи. Проведенная параллель между отцеубийством и инцестом ясно видна в древнегреческой драме. Первым требованием к социологической теории является признание того, что инцест обыкновенно является преступлением против религии. Во многих примитивных обществах инцест и колдовство мыслятся как одинакового рода вещи. Беседуя в Южной Африке с одним местным жителем, я задал вопрос о сексуальной близости между братом и сестрой. Он промолвил с ужасом в голосе: «Это было бы колдовство». Отождествление инцеста с колдовством часто встречается у африканских народов, и интересным его развитием является вера в то, что мужчина может обрести максимально возможную силу как колдун посредством инцестуозной связи со своей матерью или со своей сестрой. Еще один значимый факт — это высокая степень священности, которая придается в некоторых обществах, как, например, на Гавайях, потомству от союза брата и сестры. Эта же тема обнаруживается в мифологии. В средневековой Европе инцест и колдовство были такими вещами, которые относились к компетенции Церкви как преступления против религии; в Англии инцест лишь недавно перешел в ведение светских судов и стал наказываться как уголовное преступление.

Теория оснований морального и религиозного отвращения к сексуальной близости между членами одной и той же семьи уже есть. Она была в сжатом виде сформулирована Дюркгеймом в 1897 г. в первом томе *Annee sociologique* (с. 59 и далее). Она же коротко формулируется в выдержке из Малиновского (цитируется Уайтом в его статье на с. 431). Можно найти ее сформулированной или предполагаемой и у некоторых других авторов.

Коротко говоря, теория эта состоит в том, что люди, как правило, чувствуют, что есть фундаментальная несовместимость между тем видом личного отношения, который возникает из сексуальной близости или предполагается ей, и теми видами

чувств, которые считаются уместными и обязательными между матерью и сыном, между отцом и дочерью и между братом и сестрой. Имеется, как говорит Дюркгейм, ощущение того, что если бы сексуальная близость между такими парами лиц была позволена или даже мыслилась как возможная, то семья уже не была бы семьей, а брак не был бы браком. Семья является обычно объектом религиозного чувства, причем не только в современных христианских обществах. Доктрина Церкви, согласно которой инцест есть прямой удар по священному характеру семейной жизни, сравнимый с отцеубийством, глубоко социологична.

Именно в отношении к половой связи с ближайшими родственниками эти чувства морального и религиозного отвращения достигают наивысшей интенсивности. Во многих обществах запрет половых сношений распространяется, между тем, и на более дальних родственников. В системах родства широкого диапазона, которые характерны для многих примитивных обществ, от мужчины требуется мыслить некоторых родственников так, как если бы они были родственницами того же вида, что и мать, сестра или дочь, и управлять своим поведением по отношению к ним на этой основе. Наиболее очевидным способом социального установления и поддержания таких взаимоотношений является применение правила, запрещающего не только брак, но и сексуальную близость.

Многие общества создали, как существенную часть своей социальной структуры, системы родства широкого диапазона, посредством которых каждое лицо обеспечивается многочисленными близкими и еще более многочисленными дальними родственниками, упорядоченными по категориям или группам. Крайнее развитие этой тенденции мы видим у австралийских племен, в которых мужчина состоит в определенном отношении родства с любым лицом, с которым он имеет какой-либо социальный контакт. То, что называется иногда «экзогамией», в таком племени, как кариера, является просто правилом, согласно которому мужчина может брать жену только из одной особой категории родственниц, а именно той категории, которая включает дочь брата его матери. В других обществах широкий диапазон признания родства обеспечивается формированием групп, связанных унилинейным происхождением, в форме линиджей или кланов. Результат этого таков, что для любого данного лица все члены его линиджа или клана являются родственниками определенных видов или категорий, а все члены клана или линиджа его матери являются родственниками других видов или категорий. То, что называется правилом экзогамии, предстает здесь как запрещение брака между лицами, приходящимися друг другу родней в силу принадлежности к одному и тому же линиджу или клану. В своей завершенной форме эта система требует, чтобы мужчина относился ко всем членами своего линиджа и клана как к «братьям» и «сестрам», а поскольку не только брак, но и половая близость между братом и сестрой запрещены, одним из способов акцентировки уз родства является запрещение половой близости между мужчиной и женщиной из одного и того же линиджа или клана.

Таким путем запрет половых сношений может распространяться на всех женщин, с которыми мужчина не может вступить в законный брак. Однако это расширение не всегда бывает полным и не всегда эффективно проводится в жизнь. В Меланезии и Африке мы находим случаи, в которых сексуальная близость с женщиной, брак с которой не разрешен (например, правилом клановой экзогамии), расценивается не как инцестуозная связь и не как что-то серьезное, а как нечто допусти-

мое или, по крайней мере, как мелкий грешок. У нкунду, например, мужчине нельзя жениться на женщине из клана или линиджа, который считается связанным с его собственным, поскольку подобный брак вверг бы структуру в беспорядок; но он может иметь любовную связь с женщиной из этой группы, не совершая инцеста, и имеется специальный термин (*лонкана*) для такого рода романов. Как говорили Фор-тесу в связи со схожей ситуацией талленси, «совокупление и брак — не одно и то же».

3. Итак, к проблеме, рассматриваемой профессором Уайтом с точки зрения науки о культуре, можно подойти также и с другой точки зрения, сравнительно-социологической. Что бы ни включалось в социологию и что бы из нее ни исключалось, я стою на том, что изучение форм социальной структуры и социальной интеграции является специфически социологическим изысканием, а не психологическим и не «культурологическим». Иначе дело выглядело бы так, что такой вещи, как социология, нет вообще, а это противоречит основному утверждению Уайта.

Первый вопрос, который здесь возникает, таков: могут ли существовать две разные и достоверные теории в этом вопросе, одна из которых дает социологическое объяснение, а другая — «культурологическое»? Если да, то может ли существовать также и отдельная достоверная теория психологического типа? Подлежат ли одни и те же феномены разным видам объяснения, независимым друг от друга и одинаково достоверным? Представляется желательным знать, какую позицию мы занимаем в этом вопросе. Согласно моей теории, правила, относящиеся к браку между родственниками, а также правила, запрещающие сексуальную близость между родственниками вне брака, должны пониматься исходя из их социальной функции, как служащие поддержанию стабильности или равновесия структур семьи и родства; и нельзя утверждать, что это объяснение не социологическое, разве только такой вещи, как социология, нет вообще.

Второй вопрос такой: в каком смысле теория Уайта является культурной теорией, а не социологической? Теория эта утверждает, что правила, регулирующие брак и половые сношения, были «сформулированы с тем, чтобы сделать сотрудничество принудительным и широким». Но сотрудничество в том смысле, в каком мы обычно его понимаем, есть социальный феномен; суть его состоит в интеграции лиц в совместных или коллективных деятельности. Все вопросы, касающиеся социальной интеграции, т.е. связывания лиц в фиксированных социальных отношениях, являются социологическими. Судя по всему, Уайт контрабандой протаскивает социологическую теорию в то, что он преподносит как отдельную и самостоятельную науку о культуре. То, что он и сам смутно это понимает, видно по его утверждению, что эти правила «создаются *социальными системами*».

Третий вопрос такой: каким образом эта теория дает средства для понимания или объяснения вариативности правил в разных обществах? Согласно Уайту, «эти вариации должны объясняться в терминах специфических обстоятельств, при которых имеет место кооперация. Один набор обстоятельств будет требовать одного определения инцеста и одной формы брака; другой будет требовать других обычаев. Среда и технологическое приспособление к ней, способ жизнеобеспечения, обстоятельства защиты и нападения, разделение труда между полами и степень культурного развития — вот факторы, которые обуславливают определение инцеста и формулировку правил, его запрещающих». Была ли эта теория проверена соотношением с какими-либо конкретными примерами? Если да, то нам хотелось бы, чтобы нам на

них указали. Критерием проверки теории является ее способность объяснять частные случаи. Я проверял свою социологическую теорию много лет во многих разных обществах и на данный момент вполне удовлетворен результатами. Есть подозрения, что Уайт едва ли приступил к проверке своей теории, ибо в каждом случае потребовалось бы рассмотрение очень большого числа переменных как факторов, влияющих на вариации в правилах, относящихся к браку. Например, хотелось бы, чтобы нам показали, каким образом наличие или отсутствие кросс-кузенного брака обусловлено «средствами и обстоятельствами нападения и защиты» или «средствами коммуникации и транспорта».

Различные факторы, упоминаемые Уайтом в приведенной выше цитате, не сильно варьируют в австралийских племенах. Между тем регуляция брака варьирует. Опять-таки, эти факторы одинаковы у нгуни и тсвана в Южной Африке, но первые смотрят на брак с дочерью брата отца с ужасом, а последние его позволяют.

В старину в Англии и Уэльсе запрещалось вступать в брак лицам, связанным друг с другом родством «до пятого колена» как по мужской, так и по женской линии; это имело отношение ко всем вторым кузенам, т.е. троюродным братьям и сестрам. В современных Англии и Уэльсе вторые кузены могут жениться; также нет ни правового, ни религиозного запрета в отношении брака первых кузенов, хотя есть некоторые лица, относящиеся к таким союзам с неодобрением. Я не могу даже представить, как Уайт объяснил бы это различие в терминах тех различных факторов, которые он упоминает. Социологическое объяснение довольно простое. Оно дается в терминах исторического перехода от системы родства широкого диапазона, с ее институтами *wergild* и *galanas* и с ее правилами наследования, по которым на наследство могут претендовать шестые кузены всех видов, к системе узкого диапазона, существующей сегодня.

4. Представляется желательным привлечь внимание к некоторым неясностям в той формулировке, которую Уайт дает собственному тезису в статье «Расширение диапазона науки» (см. прим. 2). Тезис, который он в ней отстаивает, гласит, что есть — или должны быть — три отдельных науки: психология, социология и наука о культуре. Следовательно, мы должны уметь ясно разграничивать области этих разных исследований.

О социологии Уайт говорит следующее. Социология описывается как «всего лишь наука о групповом поведении, коллективных психологических детерминантах». С этим я, как социолог, совершенно не согласен. «Когда социология приняла форму отдельной дисциплины, она посвятила себя изучению коллективного аспекта поведения». Я не думаю, что это можно сказать, например, о Герберте Спенсере. «Итак, социология оказывается социальной психологией, а социальная психология — это психология». «Социология стала по большей части социальной психологией, а социальная психология — это, конечно же, психология». Таким образом, хотя Уайт и утверждает, что социология является наукой, отдельной как от психологии, так и от науки о культуре, в противоречии с этим находится его же утверждение, что социология — во всяком случае, по большей части — является всего-навсего психологией. А если существует какой-то вид социологии, отличный от психологии, то он ничего не говорит нам о том, какого рода эта наука и с какими фактами она имеет дело. Его действительная точка зрения содержится в пассаже, в котором существование социологии как отдельной науки отрицается. «Социология посвятила себя истолко-

ванию сверхиндивидуальных (т.е. социальных) психологических детерминант поведения и, сделав это, стала социальной психологией. Но, за немногими и относительно незначительными исключениями, ей так и не удалось отличить и признать сверхпсихологические (т.е. культурные) детерминанты и, в силу этого, не удалось довести до конца науку о человеческом поведении, став наукой о культуре (т.е. культурологией)». Таким образом, недостаток социологии Уайт видит в том, что она пытается существовать как независимая дисциплина, вместо того чтобы стать наукой о культуре в том смысле, в каком ее понимает сам Уайт. Здесь совершенно очевидно полное отсутствие логической последовательности. Либо социология существует или должна существовать, либо она не существует или не должна существовать.

Лучший способ разграничить разные отрасли науки — это соотнести их с классами эмпирических систем, которыми они в первую очередь занимаются, имея в виду, что задача каждой отрасли науки состоит в открытии общих характеристик соответствующего класса эмпирических систем. Так, механика имеет дело с механическими системами, один из разделов химии — с молекулярными системами, физиология — с органическими системами, и так далее. Психологию правильно определять не как изучение поведения, а как изучение психических систем; система такого рода состоит из психических событий, происходящих в отдельном человеке на протяжении всей его жизни. Социологию также не следует определять как изучение поведения; она представляет собой попытку выявить общие характеристики *социальных* систем. Компонентами, или элементами, социальной системы являются персоны, а не акты поведения или ментальные события. Персона — это, например, англичанин, отец, каменщик, член профсоюза, методист и т.д. Социальная система есть система ассоциации персон в социальной структуре. Социолог изучает обнаруживающиеся у людей формы ассоциации.

Слово «культура» имеет много разных значений. Как психолог, я бы определял культуру в соответствии со словарным значением, находимым в словаре английского языка, т.е. как процесс, посредством которого человеческий индивид приобретает — через контакт с другими индивидами или из таких вещей, как книги или произведения искусства, — привычки, способности, идеи, верования, знания, навыки, вкусы и чувства; а также, в соответствии с обычным для английского языка расширением, продукты этого процесса в индивиде. Будучи англичанином, я изучал латынь и французский язык, и, следовательно, некоторое знание латыни и французского является частью моей культуры. Процесс культуры, в этом смысле, может быть изучен психологом, и, фактически, теория научения как раз является таким научным исследованием.

Реальностью, к которой я считаю применимым слово «культура» как социолог, является процесс культурной традиции, т.е. процесс, посредством которого в некоторой данной социальной группе или социальном классе передаются от персоны к персоне и из поколения в поколение язык, верования, идеи, эстетические вкусы, знания, навыки и разного рода обыкновения («традиция» означает «передачу»). Социолог, конечно, обязан изучать всевозможного рода культурные традиции, находящиеся в обществе, которое он изучает. Культурная традиция — это социальный процесс взаимодействия персон в рамках социальной структуры.

Уайт, похоже, не признает ни одно из этих понятий культуры. Для него культура в основе своей есть нечто «супрапсихологическое и супрасоциологическое». Между

тем его определение культуры как особого рода реальности вообще не кажется мне ясным. Он говорит нам, что одомашненная лошадь, конкретное индивидуальное четвероногое, — это «культурная черта» (op. cit., p. 202). То же самое мотыга (p. 203). Но и клан тоже является культурной чертой (p. 193). Здесь явно подразумевается действительное собрание людей, образующих тот вид социальной группы, который мы называем кланом. Должна ли всякая социальная группа — нация, Британское содружество, Римская католическая церковь, конкретный профессиональный союз, армейское подразделение, международный научный конгресс или промышленная корпорация — рассматриваться как культурная черта? Если нет, то по каким причинам делается исключение для такой группы, как клан? Является ли такой человек, как король, премьер-министр или президент республики, культурной чертой? Если да, то как мы проводим границу между индивидами, которые являются культурными чертами, и индивидами, которые таковыми не являются? Нам предлагается проводить различие между лошадьми так, что домашние лошади являются культурными чертами, а дикие — нет.

Культурные черты, говорит Уайт, суть реальные вещи, и мы можем с готовностью признать это в отношении лошадей и мотыг. «Обычаи и институты — вообще культурные черты — конституируют особый класс явлений. Как таковой, его можно трактовать как закрытую систему. Культура есть вещь *sui generis*; культура как *культура* может быть объяснена только в терминах культуры» (p. 192). Культурные черты не только оказывают воздействие на индивидов (p. 202) (является ли воздействием культурной черты лягание мула?); культурные черты еще и каузально детерминируют друг друга внутри замкнутой системы. Не думаю, что обычному человеку возможно понять, что это означает, пока не будет приведено некоторое множество примеров с их детальным истолкованием. Метод или теория могут быть поняты только через их применение к специфическим проблемам или случаям.

Изучение культуры по крайней мере так же старо, как социология или психология. Многие интересовались «цивилизациями», например, цивилизациями древней Греции или древнего Рима. Английское и французское слово *civilization* у немцев было заменено словом *Kultur*; сочинительство о *Kultur* было любимым занятием немецких романтиков начала XIX в. Изучение *Kultur*, или цивилизаций, рассматривалось как относящееся к истории или к философии истории. Я думаю, о Кребере и Тойнби можно сказать, что они продолжали эту традицию, каждый по-своему. Но Уайт, похоже, не согласен следовать по этому пути. Он не довольствуется креберовским изучением «формальных причин» в аристотелевском духе, но требует признания культурных черт действующими причинами, оказывающими воздействия на другие черты и на индивидов.

Я утверждаю, что профессору Уайту не удалось не только обосновать свой тезис, но и представить его в логичной и понятной форме. Должны ли мы признать три науки — психологию, социологию и науку о культуре, — или только две, исключая социологию как всего лишь социальную психологию? Некоторые из нас, являющиеся социологами, считают, что социология существует как наука, настолько же отличная от психологии, насколько психология отлична от физиологии, а физиология — от химии. Предметом ее, повторю еще раз, являются формы ассоциации, или социальной интеграции, находимые у людей. Признает ли ее профессор Уайт существующей или возможной научной областью? Если мы допускаем существование

социологии, то Уайт не прояснил различие между исследованиями, методами, проблемами и теориями сравнительной социологии, с одной стороны, и отдельной науки о культуре, с другой. Какого рода разница существует между изучением кланов как ассоциаций персон или особенностей социальной структуры и изучением их как «культурных черт»? Что подразумевается под «поведением» культурной черты (р. 198)? Если культура состоит из совокупности культурных черт, а они – реальные вещи, «которые могут переживаться и переживаются как реальные вещи», то каковы основные классы культурных черт? Нам даются кое-какие примеры, такие, как домашняя лошадь, мотыга, клан, полигинное домохозяйство (один муж и три жены), но говорится также, что обычаи и институты – тоже культурные черты. Утверждение о культурных чертах вообще не может иметь никакого точного смысла. Оно может прикладываться в равной мере к мотыгам, кланам и таким обычаям, как рукопожатие, надевание пижамы на ночь или употребление мятного ликера. Способна ли наука о культуре объяснить – ибо психология этого сделать не может, – и притом объяснить иначе, чем это делается в случае исторического объяснения, почему некоторые люди едят с помощью ножей и вилок, а другие – с помощью палочек (р. 189)? Таковы некоторые вопросы, на которые требуется ответить, прежде чем мы сможем понять, что на самом деле профессор Уайт имеет в виду.

*Университет Фарука I
Александрия, Египет*

Примечания

1. См.: Уайт Л. Определение инцеста и запрет на него // Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М., 2004. С. 327-354. – *Прим. перев.*

2. См. рус. пер.: Уайт Л. Расширение диапазона науки // Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М., 2004. С. 67-132. – *Прим. перев.*

Пер. с англ. В.Г. Николаева